

Социальные реалии вчера и сегодня

• 1992 г.

Г.В. ОСИПОВ

МИФЫ УХОДЯЩЕГО ВРЕМЕНИ

ОСИПОВ Геннадий Васильевич — директор Института социально-политических исследований РАН.

1991 год войдет в историю как год перерастания социально-экономического кризиса советского общества в национальную катастрофу. В области экономики следствием этого процесса является разрыв столетиями складывавшихся хозяйственных связей и невиданный в истории цивилизованных государств спад производства; в области политики — недееспособность и некомпетентность властных структур, распад государственности и межгосударственных связей, в социальной области — рост социальных и межнациональных конфликтов, противоборство бесчисленных социальных сил, течений, политических партий, в области идеологии — кризис духовности, крушение общепринятых социальных идеалов, все расширяющееся господство социального мифотворчества и психологии авторитаризма.

В обществе растет инфляция; невиданных размеров достигла эмиссия денег; повышаются цены на продукты и предметы массового потребления; систематически возникает дефицит даже некачественных товаров; продолжает снижаться качество основных товаров потребления; на крайне низком уровне находится сфера обслуживания и услуг; стремительно растут экономически неоправданные денежные доходы и денежные накопления части населения в сберегательном банке; усиливаются процессы социальной дифференциации и материального неравенства; обнажилось политическое расслоение общества; произошла поляризация интересов различных социальных групп и слоев населения; Набирает силу опасная тенденция реализации корыстно-индивидуальных, групповых или псевдонациональных интересов путем физического принуждения и духовного подавления; деградирует нравственность; групповой и национальный эгоизм становятся нормами социального поведения; расширились сферы криминального и девиантного поведения, которое затрагивает почти все слои населения; приобрела организованный характер преступность; увеличивается доля самоубийств в общей статистике смертности, и самое главное, продолжается процесс снижения количественных и качественных результатов индивидуального труда, а безответственность человека (независимо от того, какое место он занимает в системе социальной и производственной иерархии) перед обществом приобрела статус социального явления.

В данной ситуации одни субъекты социальной жизни (социальные общности) теряют свою прежнюю социальную идентификацию, а другие (индивиды) наряду с этим деиндивидуализируются. При этом и те, и другие приобретают маргинальные черты и характеристики, оказываются несформированными, аморфными, размытыми.

Распространенное объяснение нарастающих в обществе негативных процессов тем, что во время перестроечной деятельности старые социальные интересы оказались разрушенными, а новые — несформированными, на наш взгляд, является далеко не полным.

Одним из постулатов был отказ от старого (мифотворческого) и переход к новому (реалистическому) социальному и политическому мышлению, на основе которого предполагалось осуществить качественное обновление общества, перейти от застоя к модернизации. Однако этот переход не был сделан. Отсутствие научно разработанных теоретических основ перестройки и ее конструктивной программы привели, в конечном счете, к тому, что на смену одним социальным мифам пришли другие. Практическая реализация этих мифов различными властными структурами и политическими силами привела в действие социальный маховик гигантской разрушительной силы, который, выйдя из-под разумного контроля, стал крушить все направо и налево, отбрасывая развитые страны на многие десятилетия назад. Неконструктивная критика, сопутствующая социальному мифотворчеству, сведенная к бесконечным обвинениям и разоблачениям, нередко вполне справедливым, не приостановила, а усугубила процесс абсолютного разрушения.

И как неизбежный результат, социальные явления и процессы, порожденные утопическим мышлением, вступили в противоречие с основными закономерностями развития современных цивилизованных государств, основными нормами и принципами, выработанными в ходе многовековой социальной практики.

Поименуем эти мифы в их логической последовательности и остановимся на их идеологическом и практическом содержании.

Миф первый: об упразднении в государстве административно-приказной системы, что фактически тождественно уничтожению государства и государственности. И как неизбежное следствие этого все возрастающая анархия в производственной и социальной жизни, безответственность, самоуправство и произвол, теряющие всякую меру. Никакая власть без административно-приказной системы эффективно функционировать не может. Сложилась парадоксальная ситуация: административно-приказная система, основанная на ответственности и профессионализме, продолжает разрушаться, а авторитарно-бюрократическая система, основанная на безответственности и вседозволенности, расширяется, набирает силу, угрожая стать рецидивом тоталитаризма и политического диктата. И это не случайно. Крах тоталитаризма не имел и не мог иметь своим следствием автоматический переход к демократии. В условиях отсутствия устоявшихся демократических традиций он обернулся хаосом и развалом.

Миф второй: о верховенстве законов различных структурных единиц (городов, районов, областей, республик и т.д.) над законами структур, составными частями которых они являются. Возведение этого мифа на уровень государственного принципа не только резко усилило социальную анархию, но и железной логикой предопределило распад СССР, Российской Федерации и других государственных объединений бывшего Союза. Не исключено, что в ближайшие два—три года на территории бывшего Союза сложится более 40—50 государственных и полугосударственных образований, непримиримо враждующих друг с другом.

Миф третий: о приоритете интересов наций, народов или автономий перед интересами и правами человека и личности. Этот миф означает, что полностью отбрасываются элементарные нормы человеческой морали и гуманизма, Всеобщая декларация прав человека, а человек отдается на растерзание амбициозным и рвущимся к власти социальным силам, узурпирующим право определять интересы нации и навязывать их индивиду или группе индивидов, не считаясь ни с чем, не останавливаясь даже перед геноцидом.

Миф четвертый: о демократии как самоцели и средстве решения всех проблем. Это наиболее опасный в практическом отношении миф. Согласно

ему, демократически избранные представительные и исполнительные органы власти выражают волю народа, и они всегда правы, а их действия — законны. В результате наука, профессионализм, компетентность отбрасываются. Им на смену приходит возведенное в закон мнение представительного большинства или демократически избранных авторитарных личностей, которые начинают перестраивать социальный мир по своему образу и подобию. Демократия выступает как средство завоевания власти различными экстремистски настроенными социальными группами и личностями, которые с первых же шагов своей представительной или исполнительной деятельности начинают попирацию демократию. Достаточно вспомнить лозунг, с которым «демократы» шли к власти: «Вся власть Советам, фабрики — рабочим, земля — крестьянам» и сопоставить его с их практической деятельностью, в основе которой лежит прямо противоположный лозунг: «Полная ликвидация Советов, фабрики — предпринимателям, земля — фермерам!».

История позволяет сделать вывод, что даже с установлением конституционной, а не митинговой демократии, когда опасность тирании и диктатуры уходит в прошлое, еще долгое время остается вред, наносимый обществу некомпетентностью, безответственностью, недальновидностью, дополненный, в конечном счете, демагогией и отсутствием знаний и навыков управления.

Как свидетельствует опыт стран Западной Европы, ни один из продолжительных экспериментов по демократизации не начинался с победы «левых» сил на выборах в масштабах страны. Наоборот, все успехи демократизации были обеспечены партиями «умеренного толка». «Экстремистские» силы, если и побеждают, то скоро и неизбежно проигрывают.

Демократия — это прежде всего власть не личностей или политических партий, а закона, неукоснительное соблюдение которого обеспечивается всеми механизмами государства.

Миф пятый: обновленный «экономический детерминизм», согласно которому «рынок решает все». Этот миф послужил основой отказа от разработки четкой политической стратегии, способной научно обосновать постепенный переход к рыночной экономике с учетом возможных последствий этого перехода, различных сочетаний государственного и рыночного аспектов развития экономики.

Абсолютизация рынка, полное отождествление рыночной экономики с капитализмом привели к пересмотру основного содержания перестройки. Она стала рассматриваться как «возврат к капитализму», к его первой стадии — стадии первоначального накопления «дикого капитализма». И это в то время, когда ряд цивилизованных стран вступил в стадию конвергенции, то есть рационального сочетания в различных общественных структурах элементов социализма и капитализма. К этому следует добавить общеизвестный факт, что изначально экономика в Западной Европе складывалась как смешанная форма экономики, в ходе развития которой ее элементы (рыночные и нерыночные) преобразовывались друг в друга в зависимости от степени их преобладания. Более того, как отмечает американский экономист Чарльз Линдблом, все западные системы осуществляли и в какой-то мере продолжают осуществлять на практике рыночный социализм.

Выход из системы централизованного планирования не означает автоматического вступления в рынок. Альтернативный скачок от нерыночной системы к рыночной может оказаться не только акробатически трудным, но и крайне рискованным, а возможно и смертельным.

Миф шестой: о приватизации как средстве создания изобилия предметов потребления. Опуская многие неразрешимые в современных условиях вопросы о путях и средствах приватизации, следует, на наш взгляд, высказать предостережение по поводу тезиса о «сплошной приватизации» и ее бесспорной «пользе». Подобно тому, как приватизация выступает в качестве альтернативы, способ-

ной преодолеть застой и упадок в общественном хозяйстве, последнее выступает в качестве альтернативы, способной предотвращать или уравнивать упущения и ошибки в приватизированном секторе.

Миф седьмой: о возможности перехода к новым экономическим, политическим и социальным структурам без правового регулирования этого перехода. Как его следствие, резкое социальное расслоение общества, коррупция, взяточничество, расхищение народной собственности, вопиющее беззаконие во всём. В данном случае национальная социальная практика вошла в очередное противоречие с мировой социальной практикой. Если следовать советам американских экономистов, то приоритет основных ступеней перехода к рыночной экономике должен составлять последовательный ряд: четкое правовое регулирование, приватизация, стабилизация экономической системы, а не наоборот.

Миф восьмой: о русском империализме, об отождествлении Центра с Россией и, как реакция на это, провозглашение суверенитета и независимости Российской Федерации, что фактически предопределило государственный распад СССР. Объявление всего того, «что находится на территории РСФСР, собственностью российского государства», немедленно вызвало обратную реакцию и послужило основой быстрого и необдуманного дележа имущества бывшего СССР по принципу «кто чего больше успеет», используя факт развала государственности, захватить, будь то морской флот, полиция, вооружение и т.д.

Наконец, *миф девятый:* о вхождении территорий бывшего Союза в евроамериканскую цивилизацию. Во-первых, в результате разрухи страна не только не приблизилась, а оказалась на много десятилетий отброшенной от евроамериканской цивилизации; во-вторых, евроамериканская цивилизация, исходя из своих интересов, более нуждается в превращении территорий бывшего Союза в свой сырьевой придаток, чем в их развитии; в-третьих, опыт истории показывает, что страна достигла наибольшего могущества, когда развивалась собственным путем, а не копировала слепо образцы иноземной культуры.

Можно перечислить еще целый ряд мифов. Но дело не в этом. Дело в том, что, воплощаясь в реальность, миф неизбежно сопровождается последствиями «обратных, результатов», то есть результатов, возможность которых, никто не предполагал и не желал. Ситуация существенно усугубляется тем, что социальная мифология тесно сливается с авторитарным мышлением, которое, к сожалению, нередко является имманентной чертой политического сознания. Авторитарное мышление индивидов или социальных групп, тем или иным способом включенных во властные структуры, превращает страну и народ в объект безответственных и некомпетентных социальных экспериментов, ставящих общество на грань национальной катастрофы. Авторитарное мышление, мифотворчество и опьянение властью индивидов в ряде случаев сопровождается аутизмом — психическим заболеванием, выражающимся в ослаблении или полной потере контакта с реальностью, утрате интереса к ней, в погружении в мир личных переживаний, амбиций и т.д. Мифическое, утопическое, иллюзорное воспринимаются личностями, страдающими аутизмом, как реальность, а действительность, поскольку она противоречит подсознательным установкам «сверх-я», не воспринимается. Социальное мифотворчество и социальная психопатология в конечном счете привели к тому, что перестройка потеряла изначальный разумный смысл, завела общество в тупик, обернулась смутным временем, чреватым межгосударственными, гражданскими, межнациональными и религиозными конфликтами и войнами.

Социальное мифотворчество имеет еще одно негативное последствие. Оно «разрушает» людей, порождает новые иллюзии, ожидание нового чуда. Социальная пассивность вместо повышенной активности, так необходимой именно в период крупномасштабных реформ, неизбежно закладывает «мину» нового разочарования.

Важнейшим индикатором перерастания социального кризиса в национальную катастрофу является резкое обострение социальной напряженности в стране, осознание большинством членов общества сложившегося положения как такового, в котором удовлетворение их материально-бытовых, экономических, социальных, политических, культурных, религиозных и иных жизненно важных потребностей оказалось под угрозой или даже становится невозможным. Социальная напряженность ощущается людьми практически повсеместно. В самых широких слоях населения усиливаются настроения недовольства состоянием дел в стране, низким уровнем жизни, существующей системой распределения, потребительским рынком, ухудшающейся экологической ситуацией, гражданскими, межнациональными и религиозными конфликтами, ростом национализма, шовинизма, антисемитизма, преступности; распространяются всевозможные слухи, даются пессимистические прогнозы, утрачивается доверие к государству, органам власти, складывается состояние массового психического возбуждения.

Среди факторов, порождающих и расширенно воспроизводящих социальную напряженность, на первое место выдвинулся фактор политической нестабильности. Экономические и социальные проблемы приобрели в сознании людей явно выраженную политическую направленность. Тотальная и повсеместно усиливающаяся недовольность населения обеспечением продовольственными и промышленными товарами, ухудшающейся экологической обстановкой, ростом преступности, нерешенностью жилищной проблемы, состоянием межнациональных отношений и т.д. трансформировалась в негативное отношение к существующим структурам власти и управления, к предлагаемым мерам по выводу страны из кризиса.

Часть населения, разуверившись в возможностях союзных, республиканских или местных властей в разрешении существующих проблем, тяготеет к радикализму и социальному экстремизму, что может в определенных условиях привести к чрезвычайным ситуациям. В общественном мнении складывается стереотип безнаказанности участников массовых противоправных действий («толпы»), возникший в результате «опыта» неэффективного разрешения острых межнациональных конфликтов в различных регионах страны, забастовок и др.

Наряду с отмеченной тенденцией среди значительной части населения нарастает социальная апатия, усиливаются резко отрицательные оценки как текущих событий, так и направленности всего социального и социально-политического процесса. Питательной почвой для таких настроений служат непоследовательность и нерешительность исполнительной власти в Центре и на местах, отсутствие консолидирующих идей и реальной программы действий, понятных и привлекательных для всех слоев населения, усиливающееся имущественное неравенство, рост цен, угроза массовой безработицы в условиях быстрого и неподготовленного перехода к рыночным отношениям.

Динамика социальных настроений такова, что в настоящее время практически полностью исчезли группы трудящихся, в той или иной степени позитивно оценивающие сложившуюся в стране политическую и экономическую ситуацию и действия руководства. Наблюдается резкое сокращение числа людей, надеющихся на ее улучшение в ближайшее время.

Доминирующими социальными чувствами стали тревога и беспокойство, социальный пессимизм. Активно накапливается психологическая усталость, усиливаются растерянность и всеобщее разочарование.

Важный индикатор неблагоприятного социального самочувствия граждан — эмиграционные настроения, зафиксированные многими опросами. Эти настроения в большей степени распространены среди молодой и активной части населения. Еще один индикатор — рост числа самоубийств и попыток самоубийств. Их количество достигло почти миллиона случаев в год.

В странах Содружества возникла сложная криминогенная обстановка. Подавляющая часть населения испытывает прямое беспокойство за свою физическую безопасность и безопасность своих близких. В хозяйственном комплексе страны и на потребительском рынке активизируется преступная деятельность дельцов теневой экономики, увеличиваются хищения в крупных размерах. Сложившаяся система торговли порождает условия для процветания взяточничества, спекуляции; представители торговли выступают в роли пособников в каждом втором — третьем случае скупки товаров спекулянтами. Растет преступность в кооперативном секторе. Резко осложнилось положение с сохранением грузов на транспорте. Высок уровень рецидивной преступности. Наиболее значимый рост правонарушений отмечается в регионах с особо острой социально-политической и экономической ситуацией, связанной с международными конфликтами. Неопределенность государственного устройства, резкое падение авторитета закона, война законов и их систематическое несоблюдение на всех уровнях управления обществом размывают и без того убогую правовую основу общества, что резко затрудняет борьбу с правонарушениями, организацию нормального, цивилизованного функционирования страны.

Резко возросла острота экономических проблем. Абсолютный спад производства продолжается, практически во всех отраслях нарастает развал потребительского рынка. Инфляция приближается к стадии гиперинфляции, особенно с введением свободных цен. Резко снижены инвестиции в народное хозяйство. Особую роль в экономической ситуации играет усугубление разрыва межрегиональных и межотраслевых производственных связей, ухудшение дисциплины поставок, неиспользование и утеря преимуществ обобщественного производства, что говорит о некомпетентном управлении политическими, социальными, экономическими и национальными отношениями. Валовой национальный продукт снизился за три квартала 1991 г. на 12% по сравнению с соответствующим периодом 1990 г.; производственный национальный доход — на 13% (в 1990 г. по сравнению с 1989 г. снижение было на 4%), производительность общественного труда — на 12% (в 1990 г. снижение за год составило 3%).

В сфере финансов сложилось критическое положение. Выпуск наличных денег за январь—сентябрь 1991 г. увеличился в 3,6 раза по сравнению с соответствующим периодом 1990 г., причем 70% из них было выпущено в третьем квартале.

Сложилась ситуация, когда государство начинает оплачивать труд чистой бумагой, то есть обесценивая деньги неконтролируемым и расширенным выпуском новой денежной массы. Это, согласно нормам цивилизованной экономики, «мошенничество», которого здоровая экономика не допускает. Возведенное в принцип государственной деятельности, оно «дает возможность государственной экономике паразитировать, разрушать благосостояние народа».

Доходы населения в январе—сентябре 1991 г. составили 784 млрд. руб., т.е. увеличились по сравнению с соответствующим периодом 1990 г. на 320 млрд. руб. (на 69%). Однако из-за роста цен в 1,8 раза (конец 1991 г.) жизненный уровень большей части населения страны упал, потребление материальных благ и услуг сократилось на 17%, снизился покупательский спрос. Положение здесь значительно обострилось в последние дни и недели. Подрыв стимулов к труду привел к уменьшению численности занятых в производстве: в 1989 г. — 139,8 млн. человек, в 1990 — 138,4 млн., в 1991 — (третий квартал) — 135,7 млн. Число неработающих в 1991 г. составило 10 млн. человек (в 1990 — 8 млн.), из них безработные — 2 млн.

Утрата государственности и прогрессирующее беспрограммное разрушение экономики вряд ли свидетельствует о правильности выбранного пути. И в данных обстоятельствах следовало бы обратиться к опыту Китайской Народной Республики, который в определенном отношении является альтернативным. В двух крупнейших странах мира — одной, идущей назад к капитализму,

и другой, идущей по пути модернизированного социализма, зафиксированы две прямо противоположные тенденции. В первом случае тенденция прогрессирующего разрушения, в другом — прогрессирующего созидания. За последние десять лет промышленная продукция КНР увеличилась в 3,8 раза, при среднегодовом приросте 12,6%. Среднегодовой прирост сельскохозяйственной продукции при этом превышал 6%. Рост продовольствия существенно опережал рост населения. В промышленность, сельское хозяйство и быт населения страны входят самые современные технологии и электроника.

Речь в данном случае идет не о «слепом» заимствовании опыта КНР, а о «слепом» заимствовании западноевропейского опыта и притом вековой давности. Страна должна обрести собственный путь прогресса, опираясь на общепринятые принципы и нормы с учетом, в первую очередь, экономического положения и многообразия межнациональных этнических и других связей.

Игнорирование научно-теоретического обоснования и беспрограммное осуществление социально-экономических и социально-политических перемен привело к тому, что крупнейшая страна мира, занимающая 1/6 земной суши с населением почти в 300 млн. человек, организованная по принципу единого хозяйственного комплекса почти с 4-х миллионной армией, оснащенной ядерным оружием, потеряла единое политическое и экономическое управление и прекратила свое существование. И в этих условиях маховик социальной дезорганизации на уровне различных политических, экономических и других структур продолжает набирать силу.

* * *

В сложившейся ситуации СНГ поставлено перед необходимостью одновременного решения сразу нескольких крайне трудных и сложных задач. Назовем, на наш взгляд, наиболее значимые из них:

—выработка и принятие четких правовых основ (включая механизмы их соблюдения и реализации) деятельности СНГ, а также промышленных, сельскохозяйственных и других предприятий;

—политическое переустройство общества, включая определение статуса и границ государства;

—социально-политическая и экономическая стабилизация, выход из глубочайшего, всеохватывающего кризиса;

—проведение экономических реформ, имеющих целью переход к рынку.

Вполне очевидно, что решения данных задач тесно взаимосвязаны. Причем восстановление и укрепление государственности на основе утверждения в обществе верховенства закона, иерархической субординации законов и правопорядка становится в сложившейся ситуации условием социально-политического переустройства, социально-экономической стабилизации и проведения экономической реформы. Их разрыв ведет в тупик.

Установление системы правопорядка предполагает три уровня.

Во-первых, уровень Содружества Независимых Государств. Стало очевидным, что если не выработать четких правовых основ деятельности СНГ, то Содружество будет использовано как форма «ограбления» России, как возможность создания сильных и противостоящих ей армий бывших республик СССР, способных отстоять «захваченное». По завершении этого процесса Содружество фактически перестанет существовать. Очерченные выше процессы при условии их развертывания окажут влияние на ускорение центробежных социальных сил России, которые, в конечном счете, могут привести к ее уничтожению как единого государства.

Во-вторых, уровень Российской Федерации (равно как и других государств).

В Российской Федерации необходимо срочно ввести, может быть указом; Президента, временную Конституцию, которая узаконивала бы территориальную целостность республики, систему единого административно-территориального устройства, иерархическую субординацию законов, жесткое соблюдение правопорядка, защиту прав граждан в соответствии с основополагающими международными документами.

В-третьих, должны быть приняты четкие правовые основы перехода к рыночной экономике, в первую очередь, система договорного права, в соответствии с которой фактически была бы устранена возможность нарушения договорных обязательств.

Курс на правовую и политическую стабилизацию предполагает разрешение (может быть, в форме временного консенсуса) основных противоречий в сфере национально-государственных отношений. Среди них:

— усиление центробежных тенденций в республиках, выразившихся в провозглашении большинством из них актов о независимости;

— обострение противоречий между республиками (Армения — Азербайджан, Узбекистан — Кыргызстан, Узбекистан — Таджикистан, назревает конфликт гигантов: Россия — Украина);

— обострение противоречий внутри бывших союзных республик (Россия, Грузия, Молдова, Таджикистан);

— нарастание недовольства народов, потерявших родину или расчлененных между различными административными образованиями (крымские татары, турки-месхетинцы, немцы);

— обострение отношений между русским и коренным населением (Прибалтика, Молдова, республики Северного Кавказа, отчасти Поволжья).

Есть все основания полагать, что в ближайшей перспективе все эти формы межнациональных противоречий могут обостриться, если не будет достигнута правовая и политическая стабилизация. Этому способствует переориентация некоторых общедемократических движений в республиках в националистические, наличие в стране почти миллиона беженцев, распространение негативных образцов отдельных конфессий.

В политической сфере произошла фактическая замена сил, стоящих у власти, изменились властные структуры. Из политической жизни страны устранена КПСС, которая так и не смогла в полной мере преобразоваться из государственной структуры в политическую партию. Прекратили свое существование или утратили реальное воздействие на процессы в стране общесоюзные структуры.

Приход к власти неизбежно ведет к перегруппировке сил внутри демократического движения. Основой для возникновения демократического движения является стремление одних лидеров повернуть страну в либерально-демократическое русло, а других — на путь социал-демократии. Возможно противостояние и по вопросу национально-государственного обустройства России. Объективно это может привести не только к развертыванию демократии, но и к ее ликвидации. Тем более, что потребность радикальных экономических реформ обуславливает необходимость сильной исполнительной власти, опирающейся не на популистскую поддержку митинговой демократии, а на мощную политическую силу, организованную в партию. Следует констатировать, что с ускоряющимся процессом распада Союза, Российской Федерации, других республик все чаще начинают проявляться авторитарно-капиталистическая и неотрайбалистская (националистическая) модели государственной организации. Иначе говоря, существует реальная опасность, что в иных формах («дикого капитализма» или «национального феодализма») и на базе ограниченных геополитических пространств возникает разновидность авторитарно-бюрократической системы. Искушение так называемым просвещенным деспотизмом, авторитаризмом, национализмом — главная угроза реальной демократии и либерализму.

Анализ материалов социологических исследований свидетельствует, что в

Настоящее время в обществе практически отсутствует основа для: создания крупных политических партий, функционирующих в масштабах России. Нет и идеи, которая бы сплотила большинство населения России. Но ее возникновение вполне вероятно; ею может стать русская национальная идея. Результаты референдума 1 декабря 1991 г. на Украине, второй по численности славянской республики, показывают, насколько быстро может измениться общественное мнение. Ведь еще в марте большинство ее населения однозначно высказалось за единое союзное государство.

Говоря о стремлении национальных лидеров бывших республик обособиться от Союза, следует отметить, что нередко они прибегают к явным натяжкам. Ведь и на Украине вопрос на референдуме был поставлен не прямо — входит или нет в Союз, а косвенно — поддерживают ли граждане Акт о независимости, принятый Верховным Советом Украины. Но известно, что независимостью можно распорядиться по-разному, в том числе, конечно же, образовать и конфедерацию с другими государствами.

В расстановке политических сил в стране все еще недооцениваются такие важнейшие факторы, как рабочее движение, набирающий силу Союз предпринимателей, армия. Пока что формирование и пробуждение политического сознания рабочего класса происходят как бы в замедленном темпе. Но можно с уверенностью предположить, что обострение и без того тяжелого экономического положения страны, дальнейшая социально-политическая дестабилизация сделают процесс политического созревания этого движения стремительным. Воздействовать на рабочее движение будет крайне сложно, ибо политически оно не организовано, не структурировано — ни одна из политических партий не имеет здесь сколько-нибудь серьезного влияния. Поэтому можно предположить жесткую борьбу политических сил и отдельных лидеров за руководство рабочим движением.

В этой связи правомерен вопрос: не могут ли возглавить рабочих коммунисты, и вообще, какая судьба КПСС — еще недавно мощнейшей сверхпартии? Результаты изучения общественного мнения позволяют говорить о доминирующем сегодня неприятии в массовом сознании партии коммунистов. В то же время очевидно, что ни одна их социальная идея не может ни зародиться, ни умереть лишь в результате принятия соответствующего декрета. Сбрасывать со счетов коммунистов было бы преждевременным.

Резкой оппозиционной силой, противостоящей возможному усилению влияния Коммунистов на рабочее движение, способен выступить Союз предпринимателей. Обладая значительными материальными средствами, он может финансово и морально поддержать рабочих в условиях взрыва забастовочного движения и политических протестов, которые будут неизбежным следствием осуществляемых ныне "экономических реформ" что приведет к союзу «труда и капитала». К этому союзу, неважно, в каких формах (демократических, авторитарных и т.д.), может перейти вся полнота политической власти.

Есть достаточно оснований ожидать в ближайшие годы дальнейшего усиления Политизации религиозной деятельности и обострения межрелигиозных отношений. Возрастает влияние разных конфессий на общественную жизнь, в том числе и на межнациональные отношения.

Так, могут обостриться следующие межконфессиональные конфликты:

— между православными и католиками западного обряда на Украине. Ватикан не только всячески поддерживает греко-католиков, но стремится расширить сеть своих приходов и организационных структур, что вызывает законное недовольство как Церкви, так и широких масс православных верующих;

— между Русской Православной Церковью (РПЦ) и Русской Зарубежной Православной Церковью (РЗПЦ). Зарубежная церковь (глава митрополит Мстислав) не признает юрисдикцию Русской Православной Церкви. РЗПЦ объединяет всего лишь около 300 тыс. верующих из числа русскоязычных эмигрантов, живущих в Америке, Западной Европе и Австралии. За последние годы РЗПЦ

создано несколько епархий на канонической территории РПЦ, не подчиняющихся Московской Патриархии, ставится задача создания в СССР своего экзархата. Начавшись под знаменем религиозного фундаментализма, конфронтация перерастает церковные рамки и приобретает социально-политический характер;

— между Русской Православной Церковью и ее региональными епархиями, стремящимися к автокефалии. Взаимосвязь национального и религиозного факторов нередко используется в качестве инструмента для сепаратистских проявлений в лоне Церкви. Это особенно проявляется в деятельности последователей Украинской автокефальной церкви, национальной церкви, сущность которой объявляется базой возрождения украинской нации. Русской Православной Церкви приписывается стремление не к евангелизации, а русификации; лозунг «Независимая Церковь — основа независимости нации» все больше получает распространение не только на Украине, но и в других регионах канонической территории РПЦ;

— между православными и мусульманами. Среди мусульман Содружества бытует мнение, будто христианской религии власти всегда предоставляли больше свободы действий, нежели исламу. К тому же, в понятии «мусульманин» обычно видят не религиозную, а национальную специфику — принадлежность к народам, традиционной религией которых является ислам, сохранение верности обычаям и традициям своего народа. Значительная категория людей межнациональные конфликты идентифицирует с межконфессиональными. Поэтому конфликт между Арменией и Азербайджаном уже осложнил, а в дальнейшем, если не будет урегулирован, еще больше осложнит отношения между мусульманами и христианами не только в стране, но и за ее пределами, а любое изменение статуса Нагорного Карабаха вызовет повсеместное недовольство мусульман всего мира.

Переход страны на рельсы рыночной экономики в значительной мере является выходом из сложившегося положения. Однако способы, которыми предлагается это сделать, напоминают попытки не снижая скорости изменить направление бешено мчащегося поезда и направить его движение по параллельному пути в обратном направлении.

Главной составляющей экономического сознания сегодня является отношение населения страны к рынку, новым формам собственности и видам экономической деятельности. Многочисленные всесоюзные и региональные опросы свидетельствуют о неоднозначности установок и представлений основной массы населения по этим проблемам. Учитывая кризисное состояние экономики, которое отмечают до 90% опрошенных, и разочарование в плановой системе ведения хозяйства, преобладающая часть населения при дихотомической постановке вопроса «план—рынок» выбирает рынок.

Большинство населения, поддерживая введение частной собственности, сильно привержено к социальной защищенности.

Отношение к рынку заметно различается среди отдельных социально-демографических групп населения. Чем выше уровень образования, квалификации и компетентности, тем более позитивно отношение к рынку. В целом поддержка рынка основана не столько на том, что он так уж привлекателен, сколько на отрицании того, что сегодня имеется в экономике. Поэтому фиксируемая многими опросами поддержка перехода к рынку нестабильна и ненадежна.

Переход к рыночной экономике, как показывает исторический опыт цивилизованных стран, без детально отработанной системы социальных, политических, психологических условий, неизбежно приведет страну к хаосу.

Рыночные и товарно-денежные отношения носят характер объективных социально-экономических закономерностей. Известно, что их действие в современных условиях не только не исключает, а более того — предполагает прогрессивное обобществление важнейших отраслей экономики, укрепление и развитие внутригосударственных экономических связей и зависимостей. Причем уровень этого

обобществления, будучи результатом объективного процесса, различен в разных странах. В настоящее время в США он составляет 43%, в ближайшее время он возрастет еще на 5—6%. Переход к рынку, таким образом, не должен затрагивать естественно сложившиеся связи между отраслями промышленности, не должен их разрушать.

Как показывает опыт, сокращение госзаказов привело не к насыщению рынка товарами, а наоборот, к его резкому оскудению. В значительной степени это вызвано тем, что многие предприятия переориентировали свою деятельность на внешний рынок, продавая за рубежом все, что только можно продать, используя при этом полученную валюту не на совершенствование технологии производства, а на удовлетворение потребительского спроса, на покупку для себя дефицитных товаров («Мерседесы», видеотехника...). Нередко внешнеторговые связи предприятий приобретают характер натурального товарообмена. За некоторые виды электроники предприятия передают зарубежным фирмам, например, цветные металлы и другое сырье, реальная стоимость которых в десятки, а иногда и в сотни раз (по данным лондонской биржи) превышает стоимость электроники.

Исследования показывают, что предприятиям сейчас намного выгоднее продать зарубежной фирме сырье либо тот или иной товар, чем выполнять договорные обязательства.

Условием перехода к высокоэффективному сельскохозяйственному производству является денационализация земли. Земля должна быть передана в бесплатное и бессрочное пользование тем, кто ее обрабатывает. Затягивать с принятием этого решения нельзя. Однако денационализация земли означает не разрушение, а наоборот, создание наиболее благоприятных условий для развития крупных (обобщественных) сельскохозяйственных производств и т.д., то есть всего того, что характерно для сельскохозяйственного производства экономически развитых стран. Передача земли в индивидуальное пользование должна сопровождаться обязательством ее обрабатывать (в течение 5—10 лет) и по истечении этого срока получением права на ее продажу и наследование.

Нужно возродить веру людей в справедливость, являющуюся важнейшим условием стабильного развития страны.

Россия, осознав свое истинное положение, провозгласила суверенитет, ускорив тем самым процесс распада Союза. Но парадокс истории таков: сила России в ее союзе с исторически близкими ей народами и государствами. Это не просто союз, исторически сложившаяся общность, социальные связи и т.д., которые необходимы и тем, и другим. Полный распад страны предопределяет и более ускоренный распад Российской Федерации. Вопреки историческому процессу страна может быть отброшена на несколько столетий назад, к эпохе феодализма. Но второй парадокс истории в том, что будучи отброшена на много столетий назад, страна, учитывая социально-экономическую и социально-политическую ситуацию в современном мире, уже никогда не сможет вновь интегрироваться и будет поглощена как экономическое и географическое пространство другими странами и народами.

Поэтому из всей совокупности кризисных проблем, существующих в обществе, ключевое значение имеет кризис государственности. Перед обществом возникла дилемма поистине исторического значения: или Россия, как крупнейшая из республик, выступит в качестве объединительного ядра, вокруг которого сплотится большинство государств прежнего Союза ССР и образует единое экономическое, политическое, демократическое пространство, или же распад страны станет полностью необратим. Второй вариант развития событий таит в себе множество опасностей. Можно предположить, что вслед за распадом Союза подобные процессы последуют в Российской Федерации и других республиках: Украине, Грузии, Молдове и др. В результате вспыхнут гражданские

войны, так как границы внутри страны устанавливались прежде всего как административные, и попытка преобразовать их в национально-государственные приведет к кровавому столкновению народов.

Все это крайне ослабит вновь возникшие государства. Страна может быть отброшена к тем временам нашей истории, когда отдельные территории искали покровительства у других государств. Вполне вероятно, что регионы Дальнего Востока, несмотря на преобладающее русскоязычное население, вскоре будут ориентированы, например, на США и Японию как страны, способные обеспечить для населения этих регионов уровень жизни цивилизованных государств. Речь уже не идет о русскоязычном населении Прибалтики, которое в значительной своей части начинает поддерживать сепаратистские националистические движения в этом регионе. Будут реанимированы территориальные притязания соседних государств. Они возможны со стороны Румынии, Венгрии, Чехо-Словакии, Польши, Германии, Финляндии, Китая, Ирана, Турции, не говоря уже о Японии, притязания которой могут стать жестче и включать не только четыре острова Курильской гряды. Страну может ожидать повторение известного периода, когда вслед за враждой древнерусских княжеств последовало многовековое чужеземное господство, серьезно затормозившее общественный прогресс. С той лишь существенной поправкой, что современная жизнь тесно связана с ядерным оружием и другими результатами научно-технической революции, применение которых имеет не обязательно созидательный характер.

Выход в одном — созидании общего демократического пространства, в котором высшей ценностью является человек, а его интересы имеют бесспорный приоритет перед национальными и всеми другими интересами. В противном случае — скатывание республик бывшего Союза к авторитаризму, препятствующему самопознанию, саморазвитию и самореализации личности. Никакая демократия не становится подлинной демократией, если она претендует на подавление сознания и воли человека, на его изменение. Только та демократия подлинна, которая возвращает человеку его индивидуальность.